

ОЧЕРКИ АНТРОПОЛОГИИ ГОРОДА, ПЕРЕЖИВШЕГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Гаяне Шагоян

Гаяне Шагоян. Адрес для переписки: Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. 375001, Армения, Ереван, ул. Чаренца 15. gayashag@yahoo.com; shagay@gmail.com. Исследование было проведено благодаря поддержке стипендиантской программы Фонда имени Генриха Бёлля в 2006 году.

Ленинакан ушел, Гюмри остался...

Выражение, выведенное в эпитаф, появилось в первые же дни после землетрясения (7 декабря 1988 года) в Ленинакане, вскоре переименованного в Кумайри, а затем в Гюмри. Что же послужило основой для такого определения, какой городской дискурс и какая городская идентичность кроются за этими названиями, и, наконец, как землетрясение повлияло на осознание и конструирование истории города, что воплотилось в разных его образах? Попытаюсь ответить на эти вопросы, опираясь на источники нескольких типов, которые предопределили разные планы восприятия городского пространства, а именно: историческое, мифологизированное и экзистенциальное (последнее большей частью по материалам международных биеннале современного искусства¹, про-

1 Особую благодарность хочу выразить автору этих инициатив Вазгену Пахлавуну-Тадевосяну, не только предоставившему мне многочисленные материалы о выставках и фестивалях в Гюмри после землетрясения, но и любезно согласившемуся ознакомиться с настоящей работой и прокомментировать некоторые ее части. Именно он стал организатором фестиваля авангардного искусства — индивидуальной выставки «Метаполис–58» в 1996 году, а в 1997 году был одним из инициаторов групповой выставки авангардистов из Гюмри и Еревана («Экспедиция–101»). «Метаполис», по задумке автора, должен был представить метафизический город из остатков строительной техники и недостроенных зданий, руин, оставшихся после землетрясения. «58» — это название нового микрорайона, который возник после катастрофы. «101-й км», ставший символической границей допуска диссидентов к Москве, в данном случае использовался как приблизительное физи-

водимых в Гюмри с 1998 года)². С учетом того, что трудно переоценить роль телевидения в создании новых образов города, в качестве источников были использованы материалы гюмрийских телестудий «Цайг»³, «Шант», «Ширак» и «ГАЛА», а также документальные фильмы, посвященные городу⁴.

Опираясь на анализ указанных материалов, можно сказать, что именно после землетрясения город стал восприниматься как некая матрешка, составленная из предыдущих образов города (ср. другие названия города), отличающихся по внешнему виду, но с неизменным городским духом⁵ и особым положением в системе мира, которая горожанами воспринимается, в первую очередь, как некая система городов. Землетрясение как бы анатомировало город, обнажив его внутренности, что потребовало нового осмысления. «Сегодня город все еще в развалинах. И, как ни странно, именно руины составляют каркас, сквозь который проступает лик города Гюмри – Ленинакана – Александрополя – Кумайри» (Веселова 2003: 20).

ческое расстояние в километрах между Гюмри и Ереваном, которое в 1990-х годах, по мнению участников выставки, стало также информационной, психологической и культурной преградой между двумя городами.

За этими выставками последовали в 1998 году посвященная десятилетию землетрясения первая биеннале, концептом которой стало «Исследование, время и пространство», вторая биеннале — в 2000 году под названием «Переход. Точка Зеро», третья — в 2002 году («Печать творения, природа»). Четвертая биеннале в августе 2004 года была посвящена 1600-летию армянской письменности, ее проекции на наши дни и алфавиту как основе коммуникации. И, наконец, биеннале 2006 года под названием «Море, мечты, иллюзии» была посвящена проблемам водного пространства.

- 2 Об указанных выставках и фестивалях см.: Пахлавуни-Тадевосян и Джалоян 2003; Expedition 101 1999; Микаэлян 2004.
- 3 Выражаю глубокую благодарность дирекции этой телестудии за предоставленную мне возможность ознакомиться с ценными для меня архивными телематериалами и готовность помочь при написании настоящей работы.
- 4 Среди этих фильмов стоит особо выделить трилогию режиссера Сатеник Кахзванцян, приуроченную к 15-летию землетрясения: «Кумайри», «Город мастеров», «Город надежды», где выделены основные исторические вехи формирования Гюмри. Из более поздних фильмов были проанализированы визуальные и вербальные тексты работы Армана Мазманяна «Мой город», а также фильма, снятого телестудией ГАЛА при поддержке Армянского благотворительного общего союза «Лондон траст» (ABGU London Trust), — «Город: вчера, сегодня, завтра». Были отслежены и проанализированы передачи гюмрийских, ереванских как частных, так и республиканских телестудий, транслируемых в день города (19 октября) и в день годовщины землетрясения — 7 декабря (в частности, в 2006 году).
- 5 В работе Питера Акройда о Лондоне есть любопытные примеры постоянства функций многих городских мест, сохранившихся или мистически воспроизводимых в разные исторические периоды, тем самым подтверждающих преемственность загадочного городского духа (Акرويد 2009 *passim*).

КУМАЙРИ – ГЮМРИ – АЛЕКСАНДРОПОЛЬ – ЛЕНИНАКАН – КУМАЙРИ – ГЮМРИ

Наречение — акт метафизический, имя становится путем и способом исполнения судьбы⁶.

Судя по пафосу многих документальных фильмов о Гюмри, предысторию своего города его жители воспринимали как этапы постоянного восхождения, эволюции, завершившейся пиком городского развития — советским Ленинаканом, который не только унаследовал предыдущие урбанистические традиции, но и перешел на совершенно иной, лучший, порядок развития. С учетом объема советского строительства, беспрецедентного для города расширения жилого и индустриального фонда, такое представление имело убедительные основания. Однако, разделяя мнение Владимира Паперного о том, что (согласно советской идеологии) история вообще и история города (любого поселения) в частности двигалась по линейному пути и завершалась настоящим⁷, смею предположить, что если город и не был бы отстроен в таких масштабах, то все равно горожане *обязаны* были чувствовать себя на вершине развития. Вследствие землетрясения, за чем вскоре последовало установление национальной независимости Армении, такая схема линейно-эволюционного развития была разрушена. В постсоветской идентичности закладывается идея возвращения⁸, сворачивания с неправильного, тупикового пути советского развития на предыдущий перекресток истории, когда был совершен «неправильный поворот». Итак, возникают различные споры о том, на какой «поворотный пункт» следует вернуться: какой из них считать «своей» историей, а какой — чужой, имперской, импортной, навязанной.

Приведенные в подзаголовке топонимы отражают исторически зафиксированные названия города (или поселения) на месте нынешнего Гюмри, которые упоминаются в письменных источниках и прослеживаются в обозримом прошлом. Помимо этих официальных названий под влиянием особой фонетики ширакского диалекта появились несколько вариантов их произношения. Так, Гюмри встречается также как Кимри, Гюмлук, Кюмлук; Александрополь обычно сокращали до Алекполя (ср. Константинополь, который армяне называли Полис), а Ленинакан обычно выговаривали «Леннакан». Редуцирование «и» позволяло видеть в названии города корень «len» — ширакский диалектный вариант армянского «lain» («широкий»), что ленинаканцами часто обыгрывалось в качестве шутки: «Название нашего города от слова “len”, поскольку у нас и сердца широкие, и рты». За-

6 Замечание сделано по поводу названий Гюмри, см. Веселова 2003: 20.

7 Такое восприятие истории Владимир Паперный определил как один из характерных признаков «культуры-два» — особой фазы советской культуры, которая специфическим образом отразилась на градостроительстве. См. Паперный 1996: 41–60.

8 Ср. переименования как прыжок в досоветскую историю, где еще ничто не предвещало революцию: Abrahamian 2006: 45.

метим, что «широкоротость», вернее «большеротость»⁹, является стереотипной чертой образа гюмрийца-ленинканца, которому приписывают остроумие, несдержанность в выражениях и хвастовство. Видимо, «большой / широкий рот» воспринимается как «необходимый атрибут» при указанных качествах (многие гюмрийские анекдоты, обыгрывая эту метафору, отсылают к указанному признаку как физическому¹⁰). «Широкое сердце» отсылает к другой стереотипной характеристике — щедрости и стремлению жить на широкую ногу. Хвастовство гюмрийцев этнолог Арутюн Марутян связывает с традицией ремесленников нахваливать свой товар, что впоследствии, видимо, распространилось и на другие сферы, вплоть до самовосхваления¹¹. Корни остальных признаков надо искать скорее в образах переселенцев XIX века из Карина, Карса и Баязета. Существовало предположение о том, что баязетцы — жадные и грубые, каринцы — веселые и щедрые, карсцы — трудолюбивые и «любящие деньги»¹². В анекдотах многие из этих качеств приписываются современным гюмрийцам без какой-либо отсылки или упоминания «их корней».

Исторически первое наименование — «Кумайри» — связывается либо с киммерийцами (VIII век до нашей эры — Азатян 1989: 23–27), либо с хурритским богом зерна (Петросян 2004). Александрополь официально был объявлен городом лишь в 1840 году, а в 1850 году стал центром Александропольского уезда Эриванской губернии. Название «Гюмри» как переозвученное под влиянием турецкого языка «Кумайри», бытующее среди переселенцев из городов Западной Армении (Баязета, Карса и Эрзрума), до последнего переименования (в 1991 году) практически не было официальным названием города. Получается, что в историческом ряде Кумайри – Гюмри – Александрополь «Гюмри» отсутствует или бытует неофициально наряду с Кумайри, а затем с Александрополем, поскольку переименование Кумайри в Александрополь в 1837 году императором России Николаем I в честь своей жены императрицы Александры Федоровны не имело этого посредующего звена¹³. Но в городском сознании именно «Гюмри» символизирует определенный колорит и городской уклад, сложившиеся в результате напластования трех составляющих города: местного (сельского) населения, пришлых ремесленников из западно-армянских городов с хорошими традициями каменного строительства и русского классического градостроительного мышления XIX века¹⁴.

9 Ср. реплику из КВН (1987 года) в 23 ленинканской средней школе: «Для чего ленинканцу уши? Ответ: для ограничения рта».

10 Эту тему не обошел и черный юмор, который создал ряд анекдотов, как это ни страшно звучит, по поводу землетрясения. Согласно одному из них на крик «На меня панель падает», слышится совет: «Ртом лови, ртом!».

11 Этнолог Арутюн Марутян обратил мое внимание на это обстоятельство во время частной беседы.

12 См. фильм «Город мастеров».

13 Исторические реконструкции названия города см. Сехбосян 1991а; Сехбосян 1991б.

14 Полевые этнографические материалы автора (далее ПЭМ). Гюмри, 2006, из интервью с архитектором Рафаэлом Егояном. Другой архитектор Сашур Калашян кратко охарактеризо-

Это эклектичное соединение и создало феномен Гюмри в плане не только градостроительства, но и социального организма, заложившего фундамент для формирования образа традиционной городской среды. Не случайно в упомянутом фильме-трилогии о Гюмри этот период назван не Гюмри, Александрополем или Ленинаканом (хотя частично охватывает и этот период¹⁵), а «Городом мастеров», поскольку именно ремесленное население предопределило его особый образ. По словам гюмрийского этнографа Григора Аганяна, «в Гюмри было около ста различных ремесел и несколько тысяч ремесленников, которые были объединены в ремесленные цехи»¹⁶. Образ мастера стал символом города, и городская медаль за заслуги в области искусства называется «Медалью мастера», которую вручают в день города, отмечаемый 19 октября¹⁷ (с 2001 года). Кроме того, в городе появилась улица Мастеров, где расположены дома-музеи знаменитых гюмрийцев (поэтов Аветика Исаакяна и Ованнеса Шираза, актера Мгера Мкртчяна). В Гюмри принято было к деятелям искусства обращаться «мастер» — так же, как к ремесленникам¹⁸. «Мастер» как знаток (своего ремесла) стал настолько распространенным обращением, что его удостоиваются не только ремесленники, поэты, певцы, но и разные «мастера своего дела» вплоть до водителей, парикмахеров и так далее.

В том, что в нынешнем Гюмри стал актуализироваться образ мастера, не последнюю роль сыграл и тот факт, что мэр города Вардан Гукасян — из ремесленного квартала, так называемой Слободки, которая унаследовала свое название от русского «слобода»¹⁹. Этот квартал, застроенный в основном одноэтажными частными домами, меньше всего пострадал от землетрясения и потому в первую очередь ассоциируется с понятием «старый город». Практически все наши респонденты отмечали этот квартал как место ностальгических прогулок «в поисках города без руин». По словам управляющего отделом муниципального строительства Грайра Карапетяна, эту часть города планируется полностью реконструировать. В годы правления нынешнего мэра (с 1998 года) именно образ «города мастеров» стал активно пропагандироваться, были установлены новые памятники знаменитым «мастерам» Гюмри²⁰. Так мэр, целенаправленно реанимируя такой образ города, актуализирует часть его истории, связанную со знаменитыми «масте-

вал гражданское зодчество Гюмри как пример русского неоклассицизма (ПЭМ, Ереван, 2006).

- 15 Город был переименован в Ленинакан после смерти Ленина в 1924 году.
- 16 Из интервью с гюмрийским этнографом Григором Аганяном в фильме «Город мастеров».
- 17 В зависимости от различных (в основном организационных) обстоятельств эту дату иногда смещают на несколько дней.
- 18 Армянское слово «варпет» (мастер) является сокращенным вариантом от «вардапета» (церковный сан), который в средневековье одновременно означал и ученого-теолога, и архитектора (Petrosyan 2001: 46).
- 19 Здесь в XIX веке проживала русская военная элита.
- 20 Поэту Ованнесу Ширазу, актеру Мгеру Мкртчяну (работы Ара Шираза), народным певцам (гусанам) Шераму и Дживани (работа Артуша Папояна).

рами», и восстанавливает пространство, которое идентифицируется как место жительства мастеров-ремесленников, обыгрывая и соединяя два типа гюмрийских персонажей.

В 1990-х годах на волне национального движения, повлекшего за собой замену советских названий армянскими досоветскими аналогами, решением городского совета Ленинанкан был переименован в Кумайри. Но неблагозвучность этого названия (в частности, наличие в его составе *qi* — «твою», *mair* — «мать», воспринимаемых как ругательство) (Abrahamian 2006) и якобы трудность склонения формы «кумайриец» привели к тому, что вопрос был решен референдумом в сентябре 1991 года в пользу «Гюмри». Таким образом, после землетрясения город пережил на уровне названий циклический повтор своей истории: Кумайри — Гюмри, где снова столкнулись официальная и народная версии названия города, но зарождающаяся демократия (в виде референдума) решила спор в пользу последней²¹.

В работах авангардистов во время первой биеннале множество акций были посвящены экзистенциальному переживанию того или иного исторического образа города. Так, если в некоторых работах Александрополь был городом, который все еще можно посетить (ср. «Визит в Александрополь» Сергея Параджанова, кураторы: Завен Саргсян, Карен Микаэлян) или приукрасить (ср. акцию Мамука Цецхладзе «Александрополь»), то Ленинанкан во время акции Ованнеса Маргаряна «180 воздушных шаров на пьедестале» стал символом отсутствия, пустого места, выраженным воздушными шарами, которые были установлены на месте памятника Ленину²². Здесь был расположен горком Ленинанкана, и площадь воспринималась как идеологический центр города. Вообще судьба этого памятника, можно сказать, стала мистериальной инсталляцией самого города. Когда после провозглашения независимости во многих бывших республиках СССР стали убирать памятники советской эпохи (прежде всего памятник Ленину)²³, в разрушенном Гюмри, где было не до демонтажа памятника²⁴, его решили буквально прикрыть до лучших времен. Ленинанкан после землетрясения был заполнен домиками — временным жильем для пострадавших от бедствия, и на памятник также надели деревянное сооружение, напоминающее домик. Домики наряду с руинами для гюмрийцев стали символом землетрясения. Об этом свидетельствуют, например, и описания разрушенного города в сочинениях учеников²⁵, где домик и руины

21 Историю переименования Кумайри в Гюмри Левон Абрамян рассматривает в рамках анализа дискурса об армянской идентичности, считая, что здесь столкнулись парадигмы «древности» и «традиционности» города (Abrahamian 2006: 45–46).

22 Памятник работы Сергея Меркурова был установлен в 1954 году.

23 О демонтаже памятника Ленину в Ереване, который вылился в ритуал, см. Абрамян 2003.

24 Ср.: «По слухам, в которые до сих пор верят, он до этого уже один раз был низвергнут — подземными толчками 7 декабря 1988 года, но был за один день вновь водружен на постамент» (Абрамян, рукопись).

25 Для изучения восприятия города у поколения, не знавшего спитакское землетрясение, в старших классах трех школ: гюмрийских 4-й, 10-й и ахурянской 1-й средней школы, —

упоминаются через запятую, и концепция восстановления города, согласно которой «город можно считать восстановленным только тогда, когда последний житель покинет домик»²⁶. Статуя человеку, имя которого город носил во время землетрясения, «оказавшись» в домике, отчасти удостоилась судьбы «согороджан». Неисправимые остряки-гюмрийцы по этому поводу сердито шутили: «И даже здесь он получил жилье вне очереди!» После того как памятник все же был демонтирован, пустующий пьедестал в центре города стал ассоциироваться с руинами (ср. «руины советской идеологии»). Не удивительно, что богопочитающий мэр города решил символ советской идеологии заменить новым, постсоветским. Такой идеологией для него стало христианство²⁷, поэтому место Ленина заняла статуя святой Богородицы (работа Артуша Папояна). Однако католикос²⁸, видимо, усмотревший в такой замене профанацию святого персонажа, не согласился с этим проектом. Последовало «исправление» памятника: со статуи убрали нимб, и Богородица преобразилась в обычную женщину на фоне христианского символа — креста, а памятник соответственно был переименован в «Армянку».

Если замена статуи Ленина воздушными шарами на биеннале 1998 года — это отчасти попытка «отменить» Ленинанкан (советскую историю города, включая период землетрясения), то фотоакция Карена Азизяна «Алекполь–Гюмри. Явление» действительно явила старый город на стене зала во время торжественного закрытия первой биеннале. Автор, проводя губкой по белой фотобумаге (особой техникой, проэкспонированной в Англии), на глазах зрителей стал проявлять старую фотографию — широкую городскую панораму Алекполя–Гюмри. Так было визуализировано выражение «Ленинанкан ушел, Гюмри остался», подразумевающее, что во время землетрясения в основном рухнули дома, возведенные в советский период (период «Ленинанкана»), а досоветские постройки выстояли.

Что касается нового памятника «Армянка», то он не «приживается» на этом месте. У опрошенных мною гюмрийцев не возникает никаких ассоциаций между

были проведены сочинения на тему «Что я знаю о землетрясении 1988 года». Тем же школьникам было задано домашнее задание — написать сочинение на близкую тему «Что случилось 7 декабря 1988 года» для выявления различий семейного дискурса землетрясения и его восприятия непосредственно у детей. Пользуясь возможностью, хочу выразить глубокую благодарность дирекции и преподавательскому составу указанных школ за оказанное содействие.

- 26 Из беседы с мэром Гюмри Варданом Гукасяном в фильме «Город надежды» (2003). Эта же идея звучала во многих интервью с прохожими в Гюмри и Ереване в телерепортажах по поводу 18-летней годовщины землетрясения 7 декабря 2006 года.
- 27 Кстати, и в Ереване место памятника Ленину в 2001 году занял огромный крест, который водрузили по поводу празднования 1700-летия принятия в Армении христианства, но в Ереване изначально было решено, что замена памятника крестом временная. Затем место креста на ереванской площади занял рекламный щит, который впоследствии также убрали. Споры о том, нужно ли на центральной ереванской площади устанавливать какой-либо памятник и кому, все еще продолжаются.
- 28 Католикос — титул патриархов Армянской апостольской церкви.

образом Богородицы или Армянки с площадью Независимости. Памятник, занявший центральное место на этой площади после установления государственной независимости Армении, идеологически (содержательно) «зависает» в окружении появившихся здесь вузов (Академии искусства, университета «Прогресс», колледжа и университета имени Анания Ширакаци). Почти все мои информанты отмечали, что «памятник не на месте». Наименования площади и памятника, установленного там же, обычно бывают если не идентичными, то хотя бы созвучными, поскольку планировка площадей уже на стадии проектирования обычно предполагает установку того или иного памятника. Изменение государственной доктрины подвергает пересмотру в первую очередь идеологически нагруженные центры, каковыми чаще и являются городские площади. Связь площадь–памятник настолько нерушима, что, например, в Ереване переименование площади имени революционера Спандаряна в честь идеолога-националиста Гарегина Нжде неожиданно повлекло за собой «народное переименование» памятника Спандаряна в памятник Гарегина Нжде. Молодое поколение или новоприезжие, не знающие Ереван до независимости, часто путают героев-современников, которые могли носить похожий наряд²⁹.

Постсоветская административная перестройка города создала такую систему управления, что архитектура во многом начинает определяться личным вкусом его мэра. Если коротко определить современный архитектурный стиль Гюмри, то его можно обозначить как «лужковский стиль»³⁰. На персону своего московского коллеги мэр Гюмри часто ориентируется, вплоть до личного имиджа (например, ходит в знаменитой «лужковской кепке»). Одно из качеств стиля московского мэра, сочетание монументализма и реализма, предопределило выбор мэрами «любимых скульпторов», работающих в таком жанре. В случае Юрия Лужкова в «любимцы» попал Зураб Церетели, а в случае гюмрийского мэра Вардана Гукасяна — Артуш Папоян³¹.

Чем дальше в историю отходит «история Ленинанкана», тем он дороже становится для его горожан, особенно для той части, молодость которой проходила именно в советском городе. Пространство поселения становится частью личных воспоминаний, и происходит переоценка его значимости в контексте «общей истории города». В результате «Ленинанкан» достаточно успешно начинает конкурировать с «Гюмри», наряду с этим слышатся и голоса, ратующие за «Алекполь», поскольку «алекпольцами» называли себя многие старые жители города, используя

29 Еще одним примером «трансформации» советского памятника в национальный можно считать появление в Гюмри на месте комсомольского колосса арки Багратидов как дани исторической (культурной) памяти региона. (Территория Ширакского марза входила в феодалное царство династии Багратидов, лев с герба которых и вошел в новый герб Гюмри.) Так в концепции возрождения Гюмри появилась тема «сильного государства» со своим князем, которого в современном городе «замещает» персона мэра.

30 О лужковском стиле см. например: Паперный 2004: 153–155, 159.

31 Он является автором «Армянки», установленной на месте памятника Ленину, а также скульптурного ансамбля, посвященного гюмрийским музыкантам Шераму и Дживани.

одновременно с «Гюмри» сокращенный вариант официального названия — Александрополя³².

Пользуясь терминологией Яна Ассмана (Ассман 2004: 50–59), можно сказать, что Кумайри является отголоском культурной памяти³³, который в данном случае не выдерживает конкуренции с памятью коммуникативной³⁴ — «Алекполем», «Гюмри», «Ленинаканом», о которых «вживую» рассказывали если не отцы, то деды. Предпочтение того или иного названия города чаще предопределяется тем, какое из имеющихся «личных» воспоминаний является наиболее важным в том или ином случае: собственная биография (молодые годы, совпадающие с «Ленинаканом»), биография родителей («Гюмри», «Алекполь») или «культурные знания». Фактически за «Кумайри» ратовали в основном те, у кого не было активной коммуникативной памяти, связанной с этим городом (или по каким-то причинам, например профессиональным, она уступала памяти культурной). Таковыми, скорее всего, являлись интеллигенция (особенно историки) и та часть горожан, которая переехала в этот город, видимо, не раньше «периода Ленинакана».

Наименования города не только отражают этапы исторических изменений, но и, олицетворяя эти периоды, воспринимаются как самодостаточные образы, которые иногда отражаются друг в друге (совпадают), а иногда соревнуются, пытаясь занять наиболее почетный пьедестал на иерархической шкале городов.

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ГЮМРИ ПО ИЕРАРХИЧЕСКОЙ ШКАЛЕ ГОРОДОВ

Владимир Паперный как одно из свойств тоталитарной культуры выделил ранжирование городов в некой иерархической системе, где место на вертикальной оси определяло возможности города и отчасти права его граждан: «То, что можно было Москве, нельзя было Ленинграду, а то, что можно было Москве и Ленинграду, нельзя было всем остальным городам» (Паперный 1996: 108). Вероятно, подобные сложные отношения (центра и провинции / периферии) в той или иной степени присущи многим поселениям. Однако возможность передвижения по иерархической лестнице всегда порождала соревновательность между городами, стоящими на соседних ступенях (между первым и вторым, вторым и третьим).

В советский период ленинаканцы никогда не упускали возможности отметить, что живут во втором городе республики. «Второй город» стал атрибутом

32 Автор выражает глубокую благодарность Центру урбанистических исследований и особенно его директору Ашоту Мирзояну как за предоставление результатов исследования, посвященного данному вопросу, так и за содержательную беседу.

33 Согласно Яну Ассману, «культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» (Ассман 2004: 54).

34 «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай — память поколения. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями» (Ассман 2004: 52–53).

и почти вторым названием. Эта ступень в иерархии была очень важной для гюмрийцев. С одной стороны, такое положение Ленинакана-Гюмри приближало его к Еревану — городу с миллионным населением³⁵, который как столица был не только первым среди близких по масштабам вторых и третьих, но и на порядок выше³⁶. С другой стороны, в этом качестве Ленинакан был сопоставим с прочими «вторыми городами» СССР и в первую очередь с Ленинградом, ставшим «эталонным вторым городом». Ленинград в таких случаях начинал играть роль матери, которая рождает подобных ей детей, а роль «пуповины» или преемственности в случае Ленинакана выполнил перенос вечного огня из Ленинграда в город-дита³⁷: «В центре площади горит вечный огонь. Его доставили сюда, в Ленинакан, 9-го декабря 1963 года от неугасимого огня памятника вечной славы жертвам революции, установленного на Марсовом поле в Ленинграде» (Азатян 1989: 127).

Отождествление своего города с Ленинградом у ленинаканцев строилось и в другой, неофициальной, системе, где «традиционно-урбанистический, интеллигентный» город Ленинград противопоставлялся «большой деревне» Москве, а город ремесел и искусства Гюмри³⁸ — сельскому (глиняному) Еревану. Сопоставление Гюмри (Ленинакана) с Ленинградом не ограничивалось советской эпохой. У «вторых» синхронизировалась и история: Петроград (Санкт-Петербург) когда-то был впереди Москвы, был столицей, точно так же, как место Гюмри в историческом прошлом должно было быть выше Еревана. Это соревнование в пользу Гюмри в городском дискурсе встречается по поводу двух исторических эпох: периода Урарту и XIX века. Обнаруженная на скале близ села Ваграмаберд Ахурянского района клинописная надпись Урартского царя Аргишти I гласит: «Величием бога Халди завоевал город Ирдануни до страны Ишкикулу»³⁹. Эту надпись гюмрийский ученый комментирует как паспорт города Гюмри и добавляет: «Если тот же урартский царь Аргишти I дал Еревану свидетельство о рождении, я имею в виду его клинописную запись об основании Эребуни, то нам он вручил паспорт, по-

35 Эта характеристика имела и практические выгоды, например, миллионное население было необходимым рубежом для строительства метро. Население же Ленинакана накануне землетрясения было около 230 000 человек.

36 Из трехмиллионного населения республики в 1980-х годах полтора миллиона проживало в Ереване.

37 Ср. со славянской традицией возжигания очага нового дома огнем из очага старого или армянской традицией переноса золы из очага дома невесты в очаг дома жениха в знак установления родства между ними.

38 Ср. мнение о Гюмри директора гюмрийского драматического театра Андраника Гамчяна: «Гюмри был эталонным городом, поскольку имел ремесла высокого уровня. А там, где есть хорошее ремесло, не может не быть хорошего искусства. И, наоборот, там, где есть хорошее искусство, не может не быть Ремесла» — цитата из фильма Арпине Тамразян и Тиграна Барсеяна «Гюмри: старый и новый», снятого телестудией «Цайг».

39 «Город Ирдануни идентифицируется как Кумайри. В Урартский период край, расположенный в окрестностях города, назывался Эриах (или Эриаини)» (www.newarmenia.net/ru_gyumri_main.html, просмотрено 14 июня 2006 года); см. также интервью с историком Саргисом Петросяном в фильме «Кумайри» Сатеник Кахзванцян.

сколько его запись свидетельствует о том, что город существовал уже до того, как он был завоеван»⁴⁰.

«К концу XIX века город населяли 32 тысячи жителей. После Тифлиса и Баку Александрополь считался третьим, по величине и значению, торговым и культурным центром Закавказья» (Азатян 1989: 29). Как видим, здесь Александрополь объявлен третьим городом. Приведенная градация — одна из излюбленных в городском дискурсе гюмрийцев, она не только повторяется в туристических путеводителях, но и озвучивается в упомянутом фильме «Город мастеров». Третьим Гюмри предстает и в некоторых анекдотах: «У гюмрийца спрашивают, сколько есть в мире городов. Ну, — отвечает он, — это Париж, Ленинград и Гюмри». Конечно, в такой градации город передвигается по иерархической лестнице на третье место, но не вниз, а вверх — на порядок выше, в ряд столиц⁴¹ (Париж, Тбилиси, Баку)⁴², которые в свою очередь как бы рассчитались на первый, второй, третий... И в этом ряду нет Еревана, впрочем, как и Москвы, — города-соперники остались на другой плоскости.

Возможно, отчасти соперничеством с Ереваном или желанием быть первым можно объяснить постоянное стремление гюмрийцев видеть в своем городе некий центр чего-нибудь, неважно чего⁴³. Центр, который является обязательным признаком столиц, в советском дискурсе приобрел значение также абсолютного хозяина, координатора, управляющего ситуацией и ресурсами. Многие планировщики города именно с этой точки зрения стремятся «закрепить» центральное положение Гюмри:

Если Гюмри умело управлять, то он может стать индустриальным и туристическим региональным центром. Регион может охватить соседние с Гюмри области не только в Армении, но и в Турции, Грузии, Иране. Он может стать ведущим городом, который возьмет под свое влияние этот регион. Если он не выступит с инициативой взять на себя такую функцию, то это сделает какой-нибудь другой город, и Гюмри может оказаться вне игры⁴⁴.

Даже вопрос о новом генеральном плане стал предметом соревнования между Гюмри и Ереваном. Гюмрийский мэр стремился во что бы то ни стало сделать город первым среди остальных городов Армении и раньше Еревана утвердить новый генплан города. Генплан Гюмри действительно был готов раньше генплана

40 Цитата из беседы с Саргисом Петросяном в фильме «Кумайри» Сатеник Кахзванцян.

41 Ср. выражение из школьного сочинения десятиклассника гюмрийской средней школы: «За несколько минут была полностью разрушена вторая столица Армении» (ПЭМ. Гюмри, 2006).

42 Ср. цитату из беседы с мэром города Варданом Гукасяном в фильме «Гюмри: старый и новый»: «Все было в нашем городе. Был такой черный рынок, что к нам съезжались из Тбилиси и Баку, во всех областях наш город был передовым».

43 Еще раз отмечу, что по всему миру многие (если не все) города находятся в определенной конкуренции со столицей или друг с другом, и стремление видеть центр в своем поселении — достаточно распространенная модель. Однако в случае Гюмри данный дискурс действительно чрезвычайно активен по сравнению с общественным дискурсом других армянских городов, по крайней мере, согласно тем материалам, с которыми мне удалось ознакомиться.

44 Комментарий автора нового генплана Гюмри Сашура Калашяна (ПЭМ. Ереван, 2006).

Еревана, но утвердили его после столичного проекта⁴⁵. Однако мэру второго города фактическое первенство в наличии генплана⁴⁶ кажется настолько важным, что в нескольких своих интервью, он, как бы между прочим, отмечает, что первым был сделан генплан Гюмри⁴⁷. Утверждение генплана для Гюмри помимо функциональной ценности документа, видимо, имеет определенное символическое значение, поскольку письменно подтверждает надежду на «восстановление». Видимо, поэтому все генеральные планы города воспринимались как некие исторические вехи и отдельно отмечались в хронологии важнейших событий Гюмри⁴⁸. А во время биеннале 1998 года экспозиция Арарата Саргсяна представила старый генплан, на котором были выделены три участка под условными названиями «вчера», «сегодня», «завтра». Таким образом карта-план становится символической основой для создания «художественного пространства», объединившего прошлое, настоящее и будущее, с одной стороны, а с другой — условно распределившего между временными вехами физическое пространство города.

Когда в 1988 году в Ереване был введен комендантский час, на митинге в Ленинанкане объявили, что центр Карабахского движения перемещается из столицы в «отцовский» город. На армянском языке столица буквально означает «материнский город» (*mairaqaghaq* — «мать-город»), а Ленинанкан горожане любят называть «отцовским городом» (*hairaqaghaq* — «отец-город»). Стоит вспомнить, что подобное распределение «семейных ролей» встречается и в русской «городской» мифологии: «Москва-матушка», «Петербург-батюшка» (Топоров 1987: 132). «Отец» или маскулинность для традиционного (патриархального) общества, как известно, является более ценной категорией⁴⁹. В этом смысле Ленинанкан снова вырывается вперед, взяв на себя роль отца государства. Кстати, к этому каламбуру любит часто прибегать и нынешний мэр Гюмри, даже предложивший «в целях децентрализации республики несколько министерств перенести в Гюмри как в *hairaqaghaq* [отцовский город]»⁵⁰. То, что Гюмри является «городом-отцом», не раз отмечалось и во

45 Об этом соперничестве в интервью говорит архитектор Рафаэл Егоян (ПЭМ. Гюмри, 2006).

46 Этот документ, состоящий из трех альбомов, по словам автора, Сашура Калашяна, должен быть доступен всем, но на деле далеко не все желающие имели возможность подержать генплан в руках. В октябре 2006 года по инициативе одного из работников мэрии большая карта нового генплана была повешена на стене кабинета главного художника города. Генпланом города в 2007–2008 годах особенно заинтересовались экологические общественные организации Гюмри, которым этот документ был нужен для прослеживания изменений зеленых участков, однако, насколько мне известно, им так и не удалось его получить именно от муниципалитета.

47 В последний раз мэр этот факт упомянул во время вечернего интервью телеканалу «Шант» 7 декабря 2006 года.

48 Ср. Варданян 2006: 208. См. также интервью с архитектором Рафаэл Егояном (ПЭМ. Гюмри, 2006).

49 В качестве доказательства маскулинности Гюмри один из его поэтов приводил примеры высоких достижений ленинанканцев-гюмрийцев в таких мужских видах спорта, как тяжелая атлетика (с отсылкой на штангиста-чемпиона Олимпийских игр гюмрийца Юрия Варданяна) и бокс (Передача телестудии ГАЛА, 7 декабря 2006 года).

50 Цитата по фильму «Город надежды» (2003 год) Сатеник Кажванцян, фильм сделан по заказу мэра.

время репортажей 7 декабря по поводу годовщин землетрясения. Причем за последние несколько лет, после того как это определение прозвучало из уст гюмрийского мэра, оно стало еще одним нарицательным названием города и отчасти вошло в официальный дискурс, перекочевав из дискурса площадного.

Претензия Гюмри на «центр», на первое место среди других подобных городов время от времени дает о себе знать, перестраивая мир по разным принципам так, чтобы город занял лидирующее положение. Нескромность, стереотипная черта образа гюмрийца, наилучшим образом иллюстрируется заявкой на роль столицы культуры для стран СНГ⁵¹. Другая неожиданная ипостась лидирующего положения Гюмри появляется в диалоге Вардана Джалояна с Вазгеном Пахлавунни-Тадевосяном, где Гюмрийской биеннале предлагается создать некое интернациональное содружество разрушенных городов: Грозный, города в Сербии, Боснии, Косово, Афганистане и разрушенные землетрясением города Турции. Видя в разрушенном городе живую метафору постмодернизма, который, отказавшись от канона, живет на руинах искусства, авторы предлагают Гюмри взять на себя роль координатора проведения подобных мероприятий, пока какой-нибудь город не перехватил инициативы (Пахлавунни-Тадевосян и Джалоян 2003: 4). Мы уже встречались с опасением «перехвата инициативы» на роль центра. Создается впечатление, что Гюмри одержим страхом потери потенциального места очередного центра в «мире городов». Лучше всего ощущение своего центрального положения, иронизируя, определили сами гюмрийцы: «Мы знали, что мы — *центр*, но не думали, что, более того, эпицентр».

На новом гербе города, принятом 29 марта 2001 года, изображен строительный отвес (для определения вертикальности кладки стен), выходящий из центральной точки церкви, а его гирия уходит глубоко под центр — в «эпицентр». Не думаю, что идею именно эпицентра хотел выразить автор герба, Лева Гукасян, но в таком исполнении отвес действительно может читаться как ребус «эпицентра». Сходным образом отвес использован и в логотипе республиканской конференции «Исследования культурно-исторического наследия Ширака», проводимой в Гюмри раз в два года с 1996 года (автор логотипа — Ваан Топчян). И так, каким бы центром / эпицентром ни был Гюмри, для его жителей он представляет собой «реальную» точку отсчета мира. Ср. шуточные стихи гюмрийского поэта-любителя:

Центр мира — Лениакан.
В Нью-Йорке я ел,
А в Лондоне пил,
Прошагал весь путь:
Париж-Сингапур.
Прошел и Урал,
И двор за двором
Москву познавал.

Ловил рыбу в Байкале не раз,
Океана Тихого видал берега.
Но в Лениакане понимаю тотчас,
Что и Чикаго — лишь деревня пред нас.
И если мне скажут: «У них Эрмитаж»,
Я им в ответ: «А у нас — Трикотаж».
И если начнут воспевать их метро,
— Так, сукин ты сын, а как же депо?..

(Царукян 2006: 669–670. Перевод мой. — Г.Ш.)

51 См. Гюмрийский центр современного искусства и Фонд развития Гюмри 2003: 41–43.

Если опустить иронию и амбициозные заявления людей искусства, то, конечно, землетрясение не только разрушило город, но и серьезно поколебало его позиции. Ощущение центра сохранялось и даже усилилось в первое после катастрофы время. Город действительно стал центром человеческой солидарности, сочувствия и благотворительности. Такую трактовку понятия «эпицентр» мы находим, например, в советских репортажах ТАСС: «Эпицентр разрушительного землетрясения стал в эти дни поистине эпицентром людской заботы, деятельного сострадания и ответственности» (ТАСС 1990: 19, ср. также «стал символом милосердия» — Зулумян 2006).

Сегодня школьники на уроках истории заучивают, сколько стран оказали помощь Армении в эти страшные дни. И, видимо, хорошо заучивают, поскольку в 90% школьных сочинений, конкурс которых я специально провела в трех школах, было указано, что городу оказали помощь 113 стран. Это также означает, что сведения многими учениками почерпнуты не столько из домашних рассказов, сколько из учебников, где информация о землетрясении сводится в основном к статистическим данным о потерях и масштабах гуманитарной помощи. Многие школьники старательно перечисляли первых лиц государств, посетивших Гюмри в эти дни, оценивая их внимание не меньше, чем оказанную этими странами материальную помощь.

Вопреки ожиданиям и обещаниям отстроить город за два года⁵² начались тяжелые будни⁵³, которые совпали с экономическим⁵⁴ и энергетическим кризисом. Как определил председатель горсовета Гюмри Карлен Амбарцумян, «город пережил два землетрясения: природное и экономическое»⁵⁵. Второе оказалось не менее тяжелым: город покинуло гораздо больше людей, чем он потерял во время землетрясения или эмиграции в первые три года после трагедии⁵⁶.

52 Обещание отстроить Леникан за два года было сделано Михаилом Горбачевым: «Кстати, Н.И. Рыжков пригласил сюда два дня назад представителей всех республик, и они взяли, причем это их предложение, за два года все восстановить» (из интервью М.С. Горбачева корреспондентам центрального телевидения и телевидения Армении 1990: 26).

53 Ср. замечание иностранца, посетившего Гюмри через 17 лет после землетрясения: «Хорошо знакомо то, что происходит после масштабных стихийных бедствий. Неделя-другая душераздирающих кадров на экранах телевизоров и призывов об оказании помощи, всплеск международной и местной щедрости, десяток репортажей полгода спустя и немного больше в первую годовщину трагедии. А затем забвение. Подвергшиеся удару стихии люди пытаются встать на ноги, в основном опираясь на собственные силы. Леникан, который вновь обрел свое досоветское название Гюмри, ничем не отличается в этом плане от других мест» (Стил 2005).

54 «Для восстановления нашего города в этом году необходимо было около 2,5 миллиардов рублей, однако нам выделили всего 656,5 миллионов рублей, да и те в кредит» (Выступление председателя горсовета К. Амбарцумяна, 1991).

55 Из фильма Сатеник Кахзванцян «Город надежды» (2003 г.).

56 За 1988–1991 годы из зоны бедствия эмигрировало 177 117 человек, но одновременно наблюдалась и возвратная миграция, соответственно эмиграция за этот период составляла 50,2%, а иммиграция — 49,8%. Тогда как за 1992–1994 годы эмиграция составила 61,9%, а иммиграция — 38,1%, а за 1995–2002 годы соответственно 66,1% и 33,9% (Габриелян 2004: 93).

Зазвучала фраза о потерянном городе. Он стал игнорироваться новыми республиканскими властями, что было обусловлено войной, блокадой и тяжелым состоянием страны в целом. Жители разрушенного города, которые еще недавно находились в центре мирового внимания и теперь оказались вне всякого внимания, были не только обижены, они не видели никакого просвета. Именно тогда город «пошел по наклонной». Люди стали сравнивать Гюмри с третьим городом Ванадзором (бывший Кировакан), причем в пользу последнего⁵⁷. В иерархии городов Гюмри, как мы видели, перемещается не шаг за шагом, а прыжками, но на этот раз не вверх, а вниз: горожане стали сравнивать свой город с селом⁵⁸ (ср. иерархический ряд: столица — город — деревня). А в тех немногих случаях, когда гюмрийцы сравнивают свой город с Ереваном, они указывают на несопоставимость масштаба: «Все теперь принадлежит Еревану и ереванцам. Есть масштаб один к одному, сейчас масштаб Лениакана по сравнению с Ереваном 1:1 000 000. Сейчас у нас настолько мелкий масштаб, что нельзя даже сравнивать. Кто такой мэ́р, кто сейчас принимает его во внимание, о каком городе можно говорить, когда 95% принадлежат Еревану и лишь 5% — нам и все?!» (Шагоян 2003: 179). Вот еще одно мнение: «Во что превратили Лениакан? В город второго сорта. Относятся настолько плохо, что даже марзпета [губернатора края. — Г.Ш.] назначают из Еревана. Это что же, значит, в Лениакане нет людей? Нет таких умников, как нынешний марзпет или как инспектор милиции, как инспектор ГАИ, как заведующий таможней, как заведующий социальным отделом?»⁵⁹. А гюмриец Вардгес Амбарцумян, противопоставляя свой город миру, опять возвращается к концепции центра, но на этот раз свергнутого, карнавалено опрокинутого: «Раньше, когда Гюмри был благополучен, мир был в руинах, теперь мир благополучен, а Гюмри — в руинах»⁶⁰.

Видимо, такое восприятие городов в иерархической системе, но уже ереванцами, стало причиной того, что 33–36-метровые металлические конструкции, которые сначала предназначались для строительства в Гюмри кольцевой дороги⁶¹, были перевезены в столицу и использованы для возведения ереванского Давташенского моста⁶². Как видим, положение «первого» действительно означает его приоритетность при удовлетворении материальных нужд. Эта ситуация снова

57 Ср.: «У этого города будущего нет. Ванадзор сейчас гораздо лучше Лениакана, и в Ереване тоже хорошо» (см. Варданян 2003: 156).

58 Ср.: «Лениакан — большое село, он больше не оставляет впечатления города. Выше города муниципалитет стал раздавать земли для обработки, многие взяли, картошку копают, семена дали, но есть проблема с поливом» (Варданян 2003: 157).

59 Там же.

60 Цитата по фильму «Гюмри: старый и новый».

61 Разработка кольцевой дороги в срочном порядке в первые дни после землетрясения была сделана московским институтом «Гипрогор» (Государственный институт проектирования городов) по заказу института «Ереванпроект». Значение этой дороги для Гюмри оценивается настолько высоко, что она включена в новый генплан города.

62 ПЭМ. Гюмри-2006; Ереван-2006.

напоминает «Культуру-Два» Владимира Паперного: «Влас Чубарь, выступая в 1937 году на съезде архитекторов (незадолго до ареста), говорил о недопустимости переноса *московских* приемов в города более низкого ранга» (Паперный 1996: 108). Для страны, переживающей экономический кризис и имеющей возможность построить только один из двух мостов, важных для развития соответственно Еревана и Гюмри, «естественно», приоритет получает столичный мост, пусть даже за счет второго города.

С точки зрения республиканских властей, в сложившихся условиях удержание второго места за Гюмри — это обретение им потерянных позиций и в этом смысле почти равнозначно его восстановлению. Именно эту идею, по всей видимости, хотел передать гюмрийцам президент Роберт Кочарян во время предвыборного митинга в Гюмри: «Нашим Вторым городом был Гюмри и Вторым городом является сегодня! (аплодисменты)»⁶³.

«Мир городов» помимо иерархической структуры имеет также некую горизонтальную протяженность, где города не соревнуются, а сопоставляются по «сходству». Образ города становится более узнаваемым, если найти смежные, похожие на него города. В гюмрийском дискурсе упоминаются три города, с которыми второй город себя сверяет, находя общие черты.

С первым сопоставлением — Ленинград — Ленинанкан — мы уже знакомы: оно позволяет видеть в Гюмри город искусства и некий «центр духовности». Даже новые здания, построенные после землетрясения, сверяются с питерскими. Так, очередной торговый центр с достаточно вычурной архитектурой тут же был окрещен «Эрмитажем».

Второй город-«побратим» — это Карс⁶⁴, напоминающий старый Гюмри своей архитектурой и населением. Этот город иногда называют городом-близнецом Гюмри, и «если человеку заранее не сказать, в каком он городе, то тот никогда и не поймет, что гуляет не в Гюмри, а в Карсе. Даже сегодня там такие же дома, такие же армянские вывески на них»⁶⁵. «Гюмри в начале XIX века называли «маленьким Карсом»⁶⁶. Сравнение с Карсом — это выделение образа старого «традиционно-го» Гюмри, отчасти сохранившегося в его ремесленном микрорайоне Слободка.

Третий образ, который то и дело появляется рядом с Гюмри, — это Ани, древнеармянский город (V–XVI века, ныне на территории Турции), один из наиболее развитых средневековых городов Армении, столица царства Багратидов (в X–XI веках), впоследствии полностью опустевший и превратившийся в величественные руины, которые туристы часто рассматривают в бинокль с пограничного гюмрийского поста. Архитектура Ани иногда противопоставлялась Гюмри⁶⁷, облик

63 Цитата из фильма «Город надежды».

64 Ныне на территории Турции.

65 ПЭМ. Гюмри, 2006; см. также ПЭМ, Ереван, 2006.

66 Из фильма «Город мастеров».

67 Ср.: «Конечно, архитектура Гюмри — это не Ани. Ани — это город с традициями средневековой армянской архитектуры, ничего подобного в Гюмри ты не найдешь» (из беседы с одним из архитекторов в Гюмри).

которого был лишен средневекового величия. Обнаруженный археологами средневековый культурный слой Кумайри изучен слабо, поскольку, несмотря на все возражения ученых, в советское время здесь стали возводить туристический комплекс (после землетрясения здание было подорвано в целях демонтажа⁶⁸).

Культурный слой, соответствующий Анийскому периоду⁶⁹, был безвозвратно утерян, и у ленинканцев так и не сложилось чувство родства с этим городом, хотя осознание его величия было всегда. Не случайно в новом гербе города верхний щит (по законам геральдики указывающий на то, «что герб принадлежит младшей ветви данного рода» — Похлебкин 2004: 109) занимает лев с анийского герба. Так, ставший символом города храм Всеспасителя (кстати, также включенный в новый герб Гюмри) был построен самоучкой по образцу Анийского храма Катогики на деньги горожан, ремесленных цехов в 1859–1873 годах. Легенда гласит, что мастер каждое утро садился в повозку и ехал в Ани, делал замеры и, вернувшись в Гюмри, застраивал соответствующую часть храма. В конечном счете было построено одно из наиболее высоких архитектурных сооружений Армении того периода (46 м)⁷⁰ с довольно смелыми пролетами. Приехавшие для экспертизы петербургские архитекторы, узнав, что такой храм построен мастером-самоучкой, не решились войти в здание. Поэтому, хотя строительство было окончено в 1871 году, храм освятили спустя только два года, после того как английский специалист дал разрешение на его эксплуатацию⁷¹. Храм, сделанный по модели Анийского и дважды разрушенный землетрясениями (в 1926 и 1988 годах), по иронии судьбы как бы воссоздает образ разрушенного Ани в центре Гюмри.

Именно эта церковь стала символом города, заняв законное место на гербе. Произошло это, видимо, потому что, во-первых, построена она на пожертвования горожан, во-вторых, однажды она уже пострадала во время землетрясения (в 1926 году) и была реконструирована в советское время, что само по себе было редким явлением. И, наконец, что наиболее важно, она изначально была задумана как предмет гордости, претендуя на позицию «самой-самой». Между тем, будучи самым высоким сооружением в регионе, этот храм, по мнению экспертов, не представлял собой особой архитектурной ценности, поскольку был построен с ошибками, неизбежными для строителя-самоучки. Он не включен в список архитектурных памятников, подлежащих охране государством⁷². Но его восстановление для гюмрийцев и особенно для мэра⁷³ стало не только делом чести, но и символом

68 По словам заведующего отделом строительства Грайра Карапетяна, решением муниципалитета на территории Ботанического сада, где была расположена туристическая база, сейчас будут вестись археологические исследования в целях выявления остатков церкви и ее реконструкции.

69 Было обнаружено множество керамических образцов анийской культуры.

70 Из фильма «Город мастеров».

71 Там же.

72 Из интервью с архитектором Сашуром Калашяном (ПЭМ. Ереван, 2006).

73 Мэр Гюмри Вардан Гукасян, трижды переизбиравшийся на эту должность, начал свою предвыборную кампанию лозунгом «надежда, любовь и вера» (в армянском языке приня-

возрождения Гюмри. По словам мэра, «лишь в тот день, когда храм Аменапркич будет восстановлен, можно считать Гюмри восстановленным»⁷⁴.

В дискуссии, которая развернулась вокруг концепции восстановления этого памятника, были озвучены практически все подходы относительно восстановительных работ в Гюмри. Были рассмотрены почти все известные обществу охраны памятников тактики сохранения исторического окружения, которые «обычно рассматривают ряд ступеней — от минимального до максимального вмешательства: от сохранения через консервацию и реставрацию к реконструкции и перемещению на новое место вплоть до создания новодела» (Линч 1982: 144). Применительно к Аменапркичу обсуждались разные варианты тактик: 1) разрушить до конца и расчистить территорию; 2) достроить сохранившиеся части камнем другого цвета так, чтобы был виден не только шов новостройки, но вся дополненная часть; 3) «разрушенную часть храма вместе с куполом предлагалось достроить в виде каркаса со стеклами, т.е. храм достраивался “прозрачно”, храня призрачную память о своем прошлом» (Абрамян 2003); 4) восстановление прежнего вида храма с минимальными технически необходимыми изменениями (например, из-за железобетонной прокладки стены храма должны были слегка утолщаться, что несколько меняло внутреннее пространство здания). Победила концепция реанимации, возврата к жизни функционирующей, а не превращение руин в «естественный» памятник о землетрясении (второй и третий варианты⁷⁵), в чем был бы очевиден подход эстетизации преходящего⁷⁶, присущий, например, японской культуре. «Руины, словно возвращающиеся обратно в землю, ценятся повсеместно за эмоциональные оттенки, порождаемые их видом... Но в самой основе эмоционального удовлетворения лежит обостренное чувство течения времени» (Линч 1982: 152). Однако у города, так близко соприкоснувшегося со смертью, были «свои счеты» со временем и быстротечностью жизни, поэтому Гюмри старался не консервировать «гибель», а реанимировать «жизнь». Выбор реставрационного подхода к судьбе храма был обусловлен именно таким отношением к разрушенной архитектуре, отношением к живому человеку:

После землетрясения во время заседаний я всегда говорил, что раненых нельзя расстреливать. Тогдашнему марзпету Арарату Гомцяну я часто объяснял, что нельзя искажать, коверкать, унижать, демонстрировать инвалидность. В конце концов, ты же тем самым говоришь: «Ты человек ненормальный, твоя

та именно такая последовательность). В его политический рекламный клип вошли сцены, где он водружает крест на храме св. Знамения), работы по восстановлению которого были проведены на его средства.

74 Цитата из фильма Сатеник Кахзванцян «Город надежды» (2003).

75 По мнению архитектора Рафаэла Егояна, от этих вариантов отказались еще и по той причине, что они требовали безукоризненного технического исполнения, что в годы, когда обсуждались проекты, было нереалистично для уровня строительства Гюмри, да и Еревана.

76 Не случайно, что предложение о стеклянной достройке храма, насколько мне известно, принадлежит художнику Вазгену Пахлавуну-Тадевосяну.

одна половина на месте, а второй половины нет», — или перекрашиваешь эту половину. Тогда как это один организм, одна структура, одна идея, одно творчество, которое родилось сразу, вместе. Ну и однажды Гомцян мне сказал, раз ты так уверен, пойдя и сделай⁷⁷.

Антропоморфизация города получила буквальное воплощение и во время биеннале 1998 года, например, в концепции гюмрийского скульптора Альберта Варданяна, сделавшего «операционное вмешательство»: железными проводами он «сшил» трещину на одном из домов Гюмри. Человеческое отношение к «раненым стенам» гюмрийских зданий во время той же биеннале проявил и москвич Даниил Филиппов, представивший инсталляцию «Иглоотерапия стены».

Что касается других подходов, возникших при обсуждении судьбы храма Всеспасителя, то некоторые из них имели неожиданное продолжение. Так, идея здания из стекла и металла получила другое воплощение⁷⁸. Рядом со второй церковью св. Богородицы, выходящей на ту же площадь (бывшего Майского восстания), сын архитектора, реставрирующего храм Всеспасителя, архитектор Гарик Егоян спроектировал здание из стекла и металлической решетки для магазина аппаратуры. Новое здание симитировало внутри стеклянной части блок соседнего с ним кинотеатра «Октябрь», сохранившегося во время землетрясения и ныне отреставрированного. В результате архитектор по-своему воплотил проект «здания-витрины» для демонстрации старины (в данном случае — имитации старого здания). Трансформация идеи стеклянной консервации храма Всеспасителя в застекленный макет прошлого (продолжения здания кинотеатра «Октябрь») является весьма остроумным решением, иллюстрирующим идею «временного коллажа» архитектора-семиотика Кевина Линча: «Для усиления сегодняшних ценностей и чувства потока времен я бы применил “временной коллаж” — творческое соединение разрушения и добавления, а в тех случаях, где в игру входят персональные отношения, я считаю естественным сохранение отпечатков столь же избирательно и нестойко, как это делает сама память» (Линч 1982: 163). Продолжением такого отношения к прошлому стало особое направление в строительстве Гюмри после землетрясения, которое пытается делать новое, сохраняя сходство со старым (ср., например, новое здание рядом со старым зданием текстильной фабрики или строящийся новый торговый центр на месте и по контуру «Десятиэтажки», бывшего центра квартального значения).

Возвращаясь к третьему собрату Гюмри — Ани, отмечу, что параллель между ними проводится больше как между городами-руинами, нежели живыми архитектурными комплексами. Не удивительно, что желание ереванских проектировщиков видеть Ани в восстановленном Гюмри и потому назвавших один из планируемых микрорайонов Лениакана «Ани» не получило отклика у горожан. Новое название осталось лишь на бумаге, жители же города новый микрорайон называ-

77 Интервью с архитектором, автором проекта восстановления храма Аменапркич Рафаэлом Егояном (ПЭМ. Гюмри, 2006).

78 На эту параллель мне указал художник Вазген Пахлавун-Тадевосян.

ют по номеру — «58-й городок»⁷⁹. Не прошло и предложение о переименовании центрального кинотеатра «Октябрь» в «Ани»⁸⁰. Вопреки нынешнему мейнстриму переименований, кинотеатр сохранил свое советское название, которое воспринимается как часть истории «потерянного города» и тем самым рассматривается вне революционного контекста. Ани остался символом руин, сходство с ним в этом смысле невозможно не признать, но от него жители Гюмри стремятся избавиться. Судьба Ани, по мнению мэра Гюмри, наиболее нежелательный сценарий: «После землетрясения не верили, что город будет жить, думали, что повторится история Ани»⁸¹.

Авангардисты, наоборот, считают, что руины могут стать неким образом города, который не только порождает отчаяние и чувство потерянности, но и может стать символом надежды. По их мнению, тяжелое впечатление от руин может быть смягчено путем их переосмысления. «В несчастье мы расщепляемся, наша личность превращается в руины. И от этого расщепления, как от расщепления урана, рождается свет. Именно в состоянии отчаяния начинают надеяться» (Пахлавунитадевосян и Джалоян 2003: 6). Разработан даже проект фестиваля концептуального искусства, который мог бы развернуться в двух разрушенных городах, соединяя их по сходству в разрушенности и противопоставляя по цвету: белый Шуши — черному Гюмри⁸².

Тем не менее руины больше воспринимаются как символ неосуществленных надежд. Так, руины Грозного могут быть интерпретированы как символ поражения российской идеи, руины Косово — европейской, а руины Гюмри — идеи международной солидарности⁸³. В отличие от оценки авангардистов, гюмрийцы не хотели видеть в руинах символ надежды, потому авангардистский памятник из остатков искореженной машины не прижился в разрушенном городе⁸⁴. То, что вполне адекватно могло быть воспринято в благоустроенном выставочном зале, не могло быть признано на естественном фоне разрушенного города⁸⁵, и памятник вскоре убрали. Видимо, искусство слишком стало походить на реальность, терялся смысл человеческого творчества, а результат больше напоминал видевшим землетрясе-

79 Сложилось две версии, объясняющие происхождение этого названия. Согласно одной, 58 — это порядковый номер нового микрорайона (до этого в Ленинакане насчитывалось всего 57 микрорайонов). По другой версии, название «58» связано с 58 гектарами территории, занимаемыми новым микрорайоном. Примечательно, что в этих интерпретациях видны две оценки нового района: по первой он является продолжением города, а по второй он больше тяготеет к автономности.

80 Предложение о переименовании было опубликовано в гюмрийской газете «Кумайри» 22 октября 1991 года.

81 Из передачи «Акция Возрождение» гюмрийского телеканала Нойем 7 декабря 2004 года.

82 Интервью с Вазгеном Пахлавунитадевосяном (ПЭМ. Гюмри, 2006).

83 Там же.

84 Работа «Объект» Ваана Румеляна, Ара Алекаяна. Гюмри, 1998.

85 Эту идею мне подсказал этнолог Левон Абрамян. Практически такую же мысль высказал во время интервью скульптор Завен Коштоян (Гюмри, 2006).

ние гюмрийцам неутешительные картины творчества стихии. После землетрясения жители Гюмри могли бы назвать его «городом надежды»⁸⁶, но не иносказательно, из-за руин, как это делает Вардан Джалоян (Пахлавуни-Тадевосян, Джалоян, 2003: 4), а желая видеть действительно восстановленный или новый город, без руин. Руины же для них остались как символ конца, а не начала.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамян, Левон. 2003. Борьба с памятниками и памятью в постсоветском пространстве (на примере Армении) // *Acta Slavica Iaponica*. Tomus XX. Sapporo: 30–34.
- Абрамян, Левон. *Жизнь и смерть памятников в постсоветском Ереване: мифы, герои, анти-герои* (рукопись).
- Азатян, Вагген. 1989. *Ленинакан*. Ер.: изд-во ЦК КП Армении.
- Акройд, Питер. 2009. *Лондон: биография*. М.: изд-во Ольги Морозовой.
- Ассман, Ян. 2004. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.
- Варданян, Т. 2003. «Почему я не уехал, почему я остался?» // *Эмиграция из Армении*. Ереван: Веселова, Светлана. 2003. Переход. Точка Зеро // *Art aisor*. 1: 20.
- «В эпицентре заботы и ответственности»: Из сообщений ТАСС. 1990 // *Армения, декабрь '88*. Ереван: Айастан: 19.
- Габриелян, Н. 2004. Основные тенденции развития миграционных процессов населения зоны бедствия // *Ширакский центр арменоведческих исследований: Научные труды*. Вып. VII. – «Гюмри: старый и новый» (“Giumri` hin u nor”) 2003. Документальный фильм, снятый на телестудии «Цайг». Автор сценария Арпине Тамразян (Arpine Tamrazyan), режиссер Тигран Барсегиан (Tigran Barseghyan).
- Зулумян, Арутюн. По ночам снится Армения // www.armtown.com/news/ru/gol/20060126/2006012606/ (8.06.06).
- Микаэлян, К. 2004. Гюмрийское биеннале. Время и пространство // *Art aisor* 2: 86.
- Линч, Кевин. 1982. *Образ города*. М.: Стройиздат.
- Из интервью М.С. Горбачева корреспондентам центрального телевидения и телевидения Армении 1990 // *Армения. Декабрь '88*. Ереван: Айастан: 25–27.
- Паперный, Владимир. 1996. *Культура «Два»*. М.: Новое литературное обозрение.
- Паперный, Владимир. 2004. *Мос-Анджелес*. М.: Новое литературное обозрение.
- Похлебкин, В.В. 2004. *Геральдические метки: Словарь международной символики и эмблематики*. М.: Центрполиграф.
- Стил, Джонатан. После катастрофы. Какие уроки могут извлечь пакистанцы из восстановительного процесса в Армении, который идет далеко не идеально? // www.inosmi.ru/paporama/20051020/223154.html > (20.10. 2005).
- Топоров, В.Н. 1987. Заметки по реконструкции текстов. IV. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // *Исследования по структуре текста*. М.: Наука: 99–132.
- Abrahamian, Levon. 2006. *Armenian Identity in a Changing World*. Costa Mesa, CA: Mazda. www.newarmenia.net/ru_gyumri_main.html (14.06.06).
- Expedition 101. 1999 // *Gyumri. First International biennial 1998*. Yerevan: 13–14.
- Gabrielyan, N. 2004. Agheti gotu bnakchutian migratsion gortzentatsneri zargatsman endhanur mitumnerere [Основные тенденции развития миграционных процессов населения зоны бедствия] / Shiraki hayagitakan hetazotutiunneri kentron: Gitakan ashkhatutsunner VII. Giumri: 92–97.

86 Ср. название третьего фильма «Город надежды» в фильме-трилогии о Гюмри Сатеник Кахзванцян.

- Giumrii zhamanakakits arvesti kentron ev Giurii zargatsman himnadram. Giumrin` APH-i mshakutayin maïraqaghaq. [Гюмрийский центр современного искусства и Фонд развития Гюмри, Гюмри – культурная столица СНГ]. 2003. *Art aïsor* 1:41–43.
- Pahlavuni-Tadevosyan Vazgen, and, Vardan Jaloyan. 2003. *Erkkhosutiun*. [Диалог]. META-POLIS // *Art aïsor* 1:4–7.
- Petrosyan, Hamlet. 2001. The Temple // *Armenian Folk Arts, Culture, and Identity* / Ed. by L. Abrahamian & N. Sweezy. Indiana University Press:40–51.
- Petrosyan, A. 2004. Kumairin haikakan lernashkharhi hnaguin araspelneri hamatekstum / *Shiraki hayagitakan hetazotutiunneri kentron*. Gitakan ashkhatutiunner VII. Giumri: 5–9. [Кумайри в контексте древних мифов Армянского нагорья].
- Qaghsoveti nakhagah` K. Hambardzumyani eluite. 1991. / *Kumairi*: 25 hunisi. [Выступление председателя горсовета К. Амбарцумяна].
- Seghbosyan, K. 1991a. *Kumairi bnakavairi patmutiunits* // *Kumairi*: 4 hunisi. [Из истории поселения Кумайри].
- Seghbosyan, K. 1991b. *Patmakan pasty` hanraqvei?* // *Azg*: 19 hoktemberi. [Исторический факт на референдум?].
- Shagoian, G. 2003. Butirken nstel em` himi endzi gortz tveq / *Artagaghte Hayastanits*. Yer.: Zeitun:170–180. [Сидел в Бутырке, значит сейчас дайте должность].
- Tzarukyan, R. 2006. Leninakan. ashkharhi kentron // Vardanyan, G. *Giumri*. Girq arajin. Yer.: Tigran Metz: 669–670. [Центр мира – Ленинанкан].
- Vardanyan, T. 2003. «Es enchi chgnatsi, inchi mnatsi? // *Artagaghte Hayastanits*, Yer.: Zeitun:154–157. [Зейтун].
- Vardanyan, G. 2006. *Giumri*, Girq arajin. 2006. Yer.: Tigran Metz. [Гюмри. Книга первая. Ереван].